

Июль - 1989. - 21 номер.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Актер и режиссер Николай Губенко —

министр культуры СССР

Выйдя из зала заседаний палат, они остановились в фойе — глава правительства и член его кабинета. А мы, журналисты, с нетерпением ожидали, когда они закончат свой разговор. Наше терпение понятно: ведь почти полгода страна жила без министра культуры. И вот наконец Верховный Совет СССР назначил его. Причем сделал это почти без прений. После кандидата на этот пост выступил депутат Г. Игитян и сказал примерно так: что же тут обсуждать, мы давно ждали, когда у нас будет такой министр — человек не со стороны, а большой мастер культуры.

Итак, Николай Губенко, известный артист, режиссер, в трудную пору взявший на себя ответственность за судьбу Театра на Таганке, стал членом союзного правительства. Большой художник стал большим... «Бюрократом»? Радоваться этому или?.. Кого позовут с этим назначением — нового министра, правительство или культуру? Нужно ли иметь солидный опыт общественно-политической, «аппаратной» работы, чтобы стать хорошим министром, или можно начинать и так, вроде бы с чистого листа?.. Вопросов сейчас больше, чем ответов.

Истинный ответ даст жизнь, время. А пока можно судить хотя бы по программному заявлению Н. Губенко. Если сказать, что он выступил блестяще, то кто-то может подумать, что это — за счет артистических возможностей. Наверно, это тоже имело значение. Но чисто внешней ораторской яркостью наш парламент уже не удивишь. Программа произвела сильное впечатление своей взвешенностью, искренностью, глубокой болью художника за судьбу культуры, искусства, в конце концов за судьбу народов нашей страны.

...Плотным кольцом окружив премьера и его министра, мы внимательно вслушивались в их разговор. Секретов от нас не тайли. Речь шла об одном из таинков что высказанных депутатами наказов министру — не дать закрыть библиотеку имени Ленина, нашу национальную гордость и... нашу трагедию. Ленинку решили реконструировать, и фактически прекратится доступ читателей на пять лет.

— Из доброго дела, которое мы собирались сделать, вырос скандал, — с горечью подвел итог беседе Н. Рыжков. И новый министр пообещал сразу же заняться этой горячей проблемой. А потом он попал на «растерзание» корреспондентам.

— Вы легко согласились стать министром? — удалось мне пробиться сквозь шум и частокло диктофонов.

— Конечно, не легко... — И он еще раз в задумчивости произнес эту фразу. — Хотя это звучит кокетством. Просто потому, что наша рабская психология представляет себе министра кем-то, так сказать, «над»... А мне уж очень не хочется быть «над». Хочется, чтобы такие люди, как я, — актеры, режиссеры, художники, писатели были «над» министром.

— Когда вы войдете в кабинет министра?

— Думаю, в начале следующей недели. Но мне страшно входить в этот кабинет — он очень большой, я не привык к таким пространствам.

— С чего начнете?

— С того, что слушаем всех и уточним позиции.

— Вы — человек творчества, и вдруг — чиновник. Сумеете ли вписаться в государственную систему?

— Не знаю. Но если судьба так складывается, что можно попробовать что-то изменить к лучшему, почему бы не рискнуть и не потратить кусочек жизни?

— С трибуны сессии вас пригласили в сельскую глубинку. Представляете ли вы себе проблемы ее культуры?

— Я сейчас знаю только то, что ограничивается моим актерским, режиссерским опытом. Я много передвигался по стране. Но сказать, что я все знаю — это неправда. И никто не может сказать, что он все знает...

— Будете пытаться остаться артистом, режиссером?

— Режиссером — не смогу. Но, конечно, буду играть. Надо поддерживать свою форму... Если только в приказном порядке Совмин не заставит меня покинуть сцену, как дискредитирующую должность министра.

— Кто возглавит Театр на Таганке?

— Шефом Таганки будет Любимов. Но у него много западных контрактов, и он не может все время быть в театре. Поэтому еще предстоит решить, как он будет участвовать в судьбе театра. А то, что театр должен перейти в его руки, — это моя мечта, на это положены два года моей жизни.

— Какой срок вы рассчитываете быть министром?

— Я сюда сажусь не на 10—20 лет... А может, у меня ничего не получится, и через год я окажусь банкротом?.. Рассчитываю на такой срок, чтобы сделать что-то хорошее, полезное.

— Что бы вы из вашей общественной программы выделили, как самое главное, самое дорогое для вас, самое большое?

— Самое главное — повторюсь — услышать друг друга. И в пределах нашей материальной состоятельности направить усилия на первоочередные задачи. Но услышать непременно все стороны, а не одну только, не себя главным образом. А в общем-то в моей программе все сказано, возьмите оттуда...

Мы решили воспользоваться этим предложением и публикуем некоторые фрагменты из программного выступления Н. Губенко в Верховном Совете СССР.

«...На мой взгляд, основной функцией министерства должно быть создание условий, благоприятно воздействующих на творческую личность. Не разрешать или запрещать... а уважать художника, как самого себя, существовать для поощрения и расширения его возможностей...»

«...Если мы стремимся к союзу равноправных народов, то министерство должно объединять культурные политики республик для выработки государственных программ, для сохранения, развития многонационального искусства и культуры, целостности. Надежды, которые связывают народы с углублением суверенитета республик, не должны вести к самоизоляции. Из этого ничего, кроме вражды и эгоизма, не получится...»

«...До тех пор, пока Верховный Совет, правительство, лидеры нашего государства не обложат себя нравственным налогом на культуру, до тех пор, пока культура не получит в их душах режим наибольшего благоприятствования, культура будет находиться на остаточном принципе...»

«Как нам лучше сделать дело? Не обойтись без разработки основ законодательства по культуре, которые бы обеспечили правовую защиту памятников, музейного предмета, книги, библиотечных фондов, фундаментальной базы культуры, включая в первую очередь деятеля культуры, просветителя. Закон должен защитить культуру от случайности истребления. 21 год назад было издано постановление ЦК и Совмина о составлении свода памятников СССР. До сих пор в России не вышло ни одного тома...»

«Ясно, что за короткие сроки культуру не вывести из кризисного состояния. Но ее вообще никогда не вывести, если не изменить положение художника в обществе. Разрешить материальные вопросы мы не сможем ни сегодня, ни завтра, пока не будет принят закон об интеллектуальной собственности. Выход, на мой взгляд, в том, чтобы кардинальным образом освободить художника от поборов. Если мы не можем ему дать, давайте хотя бы с него не брать...»

«Наши дети сейчас не сориентированы в культуре... Цифры показывают, что по сравнению с 1940 годом гуманитарные предметы сокращены в школах на треть. На мой взгляд, нужна государственная программа гуманитаризации школьного и институтского образования. В этом контексте встает вопрос о библиотеках как фундаментальной ценности нации...»

«...30 миллионов человек занимаются крестьянским трудом. Из них 9 с лишним миллионов не имеет возможности увидеть телевидение... О какой всеобщей грамотности, о какой культуре может идти речь в этих условиях, если человеку просто некуда себя деть? И кроме бутылки водки, этой конвертируемой валюты, он не имеет возможности пополнить свои впечатления...»

«Где взять деньги? Но спросите сначала: сколько их нужно? Никто не ответит, потому что никто не подсчитывал. А не подсчитывали потому, что на культуру их всегда не было и нет...»

«Налицо опасность коммерциализации культуры и искусства. Тут много глупостей: самоокупаемость театров, самоокупаемость музеев. Этого нигде в мире нет. У нас процент дотации ниже, чем в любой западноевропейской стране... Хотя у них есть и коммерческое искусство...»

«Тесное сотрудничество с церковью, неформалами, студенчеством, эмиграцией поможет нам восстановить здание духовности, избавить страну от хамства и бескультурия...»

А чтобы у вас не сложилось впечатление, что я возлагаю надежды только на интеллигенцию, я хотел бы консолидироваться с Чеховым... «Я не верю в нашу интеллигенцию, — говорил Чехов, — лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лживую, не верю, даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верю спасение в отдельных людях, я вижу спасение в отдельных личностях, интеллигенты они или мужики...»

...До самого порога здания Верховного Совета Николая Николаевича Губенко сопровождали журналисты, депутаты — со своими пожеланиями, вопросами. А он мягко, но настойчиво отбивался: «Товарищи, извините, опаздываю на спектакль. Сегодня у нас — «Борис Годунов»...»

А. ПАНКОВ.